

Е. А. СКЛЯРОВА

Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова

УДК 784.4

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ В ТРАДИЦИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В ходе комплексных фольклорно-этнографических экспедиций 2003–2013 годов на территории северных районов Удмуртской Республики был записан один из архаических жанров русского музыкального фольклора – подблюдные песни. Все экспедиции проходили по инициативе автора данной статьи при поддержке Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и Детской школы искусств пос. Новый Воткинского района Удмуртской Республики¹. Основные очаги распространения подблюдных песен зафиксированы в Красногорском, Игринском, Дебёссском районах. В Балезинском районе записи немногочисленны, в Кезском подблюдные песни зафиксированы не были². За весь период экспедиционной работы всего было записано 13 образцов, что значительно меньше других жанров местной народно-песенной культуры³. Учитывая историческую динамику песенной традиции, изучение бытования подблюдных песен оказывается необходимым, а каждый

факт записи такого жанра становится ещё более ценным.

Рассмотрение подблюдных песен северных районов Удмуртии является актуальной задачей по ряду причин:

– они включены в календарный цикл русских старожилов северных районов Удмуртии и являются неотъемлемой составляющей местной календарно-обрядовой системы;

– до настоящего времени подблюдные песни исследуемой территории не были предметом специального изучения. В рамках данной статьи впервые вводятся в научный оборот новые фольклорно-этнографические материалы;

– полевые записи подблюдных песен, записанные от русских старожилов, оказываются важным звеном в цепочке традиций бытования подблюдных песен, известных по существующим публикациям и архивным материалам (Смоленская, Новгородская, Вологодская, Кировская области), поскольку открывают дальнейшую перспективу картографирования данного жанра [3; 4; 8].

В песенных традициях Севера Удмуртии исполнение подблюдных песен обозначается термином «петь “Илею”», что связано с наличием припевного слова⁴. «Ходили вот, кольца бросали в чашечку и “Илею” пели – “выпейся, Илея”» (Красн., Багыр 7018–02)⁵. Можно предположить, что в поэтическом образе «Илею» соединяются языческие воззрения, восходящие к мифологическому сознанию человека, и их смешение в ходе эволюции с христианскими святыми образами. Специфическая особенность местного обряда проявляется в его заключении, когда последнему колечку ничего не пели, а говорили о нём – «запелосся». «Запелосся, тут уж не пели, значит, не сбьдется заповедованное» (Красн., Багыр 7018–03). Свойства магического, обрядового смысла подблюдных песен обнаруживаются в момент исполнения песни. Народные исполнители подчёркивают значимость коллективного произнесения слова: «Илею» нужно петь «хором», «артелью», для того, чтобы «сбылось предсказание». Главным правилом при исполнении святочных песен «Илею» считалось обязательное чередование «плохих» и «хороших» текстов. Обязательным условием начала гадания было

исполнение в первую очередь «хорошей песни». «Эта чередуется вот так: хорошую песню, потом плохую пели. Но с хорошей обычно начинали-то» (Красн., Красногорское, 7033–31).

Поэтические тексты подблюдных песен изучаемых районов в большинстве случаев соотносятся с вариантами, известными по другим песенным традициям⁶. Тем не менее, существенным отличием местных образцов оказывается припевный раздел, для которого характерны своеобразные глаголы «выпейся» («выпейся») или «вылейся». Среди поэтических текстов-предсказаний встречаются варианты, отличающие местную традицию и неизвестные в других областях России: «Пуга пугу дерёт, пуга пуге ревёт» («девка забеременеет»; Красн., Красногорское).

Одна из жанрово-специфических черт подблюдных песен изучаемой традиции проявляется на уровне композиционного строения. Так, типичной для подблюдных песен оказывается музыкально-поэтическая форма, характеризующаяся самодостаточностью, завершённостью смыслового и структурного планов выражения («монострофа»).

Важной жанровой характеристикой подблюдных гаданий, распространённых на территории северных районов Удмуртии, является наличие припевного слова «Илею». Именно это слово, заключающее в себе древнейшую образную смысловую нагрузку, располагается на значимых в структурном отношении участках поэтического текста. Оно может предшествовать каждой подблюдной песне, маркируя начало всей формы (см. нотные примеры № 1, 2, 3) или произноситься в конце каждой смысловой строки поэтического текста (пример № 4), тем самым на композиционном уровне реализуя обрядовую сущность фольклорного текста. Ниже приводится структура поэтической строфы, составляющая специфику подблюдных песен исследуемой традиции⁷:

с. Красногорское, Красн. р-н 7033-31

г «Илею,
 R Эшё вѣпейся пѣсенка на счастливова,
 на завѣтливова,
 Што вѣльцеца, то и сбѣдца.
 А Пуга пугу дерѣт, пуга пугше ревет»

Информативный раздел подблюдных песен русских старожилов Удмуртии может иметь подвижное количество стиховых строк. Типичной для данного региона является афористичная однострочная форма, но также распространены двустрочные и трёхстрочные варианты⁸. Все анализируемые напевы подблюдных песен опираются на восьмивременной период, которому соответствуют различные ритмические формулы. Наиболее стабильные из них:

Схема 1

Но - сить бар - хат - но
 Че - во вы - по - и - ца
 И - ле - ю

В организации музыкально-поэтической строфы особую роль играет трёхсложное ритмическое звено: ♪♪♪, обладающее качествами формулы. Его местоположение всегда закреплено за основными композиционными разделами формы – началом или окончанием мелостроки/мелострофы. Устойчивая повторяемость ритмического рисунка, соотношение с припевным словом «Илею» свидетельствуют об обрядовой природе самого текста, его магически-императивной направленности. Основная черта метроритмики всего корпуса напевов подблюдных песен, записанных на исследуемой территории, заключается в равномерности акцентуации. Четырёхмерное звено с акцентом на третьей ритмической единице становится конструктивным элементом формы и служит основой для создания различных ритмических формул:

Схема 2

Е - шё вы - пей - ся пе - сен - ка на счаст - ли - во - ва
 Ид - ти во ле - сок, ру - бить о - че - пок

Заметим, что И. И. Земцовский, рассматривая ритмическую и мелодико-интонационную основу подблюдных песен в своей монографии, отмечает плясовую структуру подблюдных песен на примере напева, записанного С. Пушкиной и В. Григоренко в Куединском районе Пермской области в 1961 году (пример № 5) [2, с. 62]. Его ритмика основывается на постоянно пульсирующей ритмической ячейке, что подтверждает генетическую взаимосвязь напева с традиционной русской пляской. Для сравнения приведём схему ритмической структуры нескольких строк игровой песни «Тюри, тюри воробей», напев которой опирается на ритмоформулу «Русского»⁹.

Схема 3

Тю - ри, тю - ри, во - ро - бей
 Тю - ри, тю - ри, мо - ло - дой

Главные признаки архаичности музыкально-поэтической формы сохранились в сфере ладоинтонационного строения, характере произнесения обрядового текста подблюдных песен. Народные исполнители говорят: «поём Ёлею», тем не менее за песню её не считают. Отсюда возникают такие термины, как «частушки», «песенки», «приказульки», указывающие как на свойства музыкальной формы (краткость, афористичность), так и на её функцию (императив).

Отличительной особенностью напевов, записанных от старожилов северной части Удмуртии, является многоголосная фактура изложения, в основе которой лежит принцип функционального разделения мелодических линий верхнего и нижних голосов. Ладовые закономерности всех анализируемых напевов подблюдных песен позволяют выявить важные принципы соотношения созвучий с границами шестнадцативременного ритмического периода, состоящего в свою очередь из двух восьмивременных периодов и с логикой чередования акцентных слогов (схема 4). Все примеры оказываются весьма близкими друг другу, несмотря на различия в амбигусе. Их объединяет следующий вид координации: каждому восьмивременному периоду соответствует ладогармоническое событие – принцип чередования опорного и неопорного созвучий (Н-О-Н-О).

Схема 4

I ладо-мелодический тип напева

1. д. Смольники, Лебёсский р-н

2. д. Бачкеево, Игринский р-н

3. д. Захватай, Красногорский р-н

4. д. Такагурт, Дебёсский р-н

5. д. Некрасовская, Базезинский р-н

II ладо-мелодический тип напева

6. с. Красногорское, Красногорский р-н

III ладо-мелодический тип напева

7. д. Бараны, Красногорский р-н

Ведущим для местных локальных традиций является ладогармоническая система, выстраивающаяся на основе сопряжения двух трезвучий или терцовых созвучий, находящихся в большесекундовом соотношении. Этот принцип отражает смысловую направленность интонирования, связанную с выразительными особенностями повествовательной речи. Различия напевов наблюдаются в периодичности смены этих созвучий (яркими образцами в этом отношении являются варианты под № 3, 6)¹⁰. Примечательно, что приём сопоставления созвучий типичен для традиционных форм инструментального музицирования. Характеризуя традиционную гусельную игру, А. М. Мехнецов отмечает, что «ведущий принцип ладогармонической организации наигрыша заключается в последовательном сопоставлении созвучий, возникающих на двух рядом расположенных звуковысотных уровнях» [5, с. 7].

Особого внимания заслуживает ладоинтонационный контур напевов, в котором наиболее устойчиво проявляется функционально-смысловая основа подблюдных песен. Ведущими мелодико-конструктивными

элементами для большинства напевов «Илею» являются попевокки, соединяющие в себе интонации возгласа-заклинания и повествования¹¹.

Схема 5

Принцип возгласного интонирования реализуется в момент сопоставления крайних опорных тонов, находящихся в квартовом соотношении. В напеве подблюдных возгласная интонация, повторяясь многократно на протяжении строфы, выполняет функцию импульса к дальнейшему музыкальному развитию. Показательно, что она часто маркирует начало строки, совпадая с акцентными позициями поэтического текста, являясь, по словам Ф. А. Рубцова, «выражением настоятельного, требовательного и утверждающего призыва-заклинания» (примеры № 1, 4) [6, с. 16].

Следующей характерной особенностью интонационного строения подблюдных песен является преобладание общей нисходящей направленности движения, возникающее как продолжение «мысли» после начальной возгласной интонации. На этом уровне можно обнаружить интонационное сходство подблюдных и других жанров местного фольклора, связанных с движением. С. В. Стародубцева, анализируя качельную припевку¹² из Вавожского района, пишет следующее: «Участие мелодического контура “нисходящей волны” в календарно приуроченных ритуальных песнях, сопоставимое со многими игровыми напевами, “продлевает” аналогии на уровне кинетики и вербальной “магии” от хороводно-игровых и плясовых до подблюдных и качельных песен» (пример № 6) [9, с. 94]. Материалом для сравнения могут выступить хороводы и плясовые песни, среди которых святочная «Рождество пришло наше игрище» (пример № 7), игровая «Тюри-тюри, воробей» (пример № 8).

В заключение отметим, что подблюдные песни представляют собой один из ведущих жанров фольклора русских старожилов Севера Удмуртии и, более того, единственным песенным жанром календарного фольклора святочного периода¹³. Опознавательной чертой подблюдных песен местной традиции выступает наличие припева «Илею». Музыкально-стилевые признаки подблюдных песен свидетельствуют об их принадлежности к раннему историко-стилевому пласту. Отмеченные ритмические, композиционные, ладоинтонационные особенности, с одной стороны, выступают в качестве черт стиля подблюдных песен, с другой стороны, позволяют увидеть их языковое родство с песенно-хореографическими жанрами фольклора. Редкий на сегодняшнее время обрядовый жанр, зафиксированный в репертуаре русских старожилов северной части Удмуртии, имеет специфический местный облик, сохраняя жанрово-стилевые связи с песнями святочных гаданий различных областей России.

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

Пример № 1

$\text{♩} = 60$

И - ле - ю. Э - щё вы - пей - ся пе - се-н(ы)-ка на счас - тли - во - ва, на за - вет - ли - во - ва,
 Што вы - лы - ца, то и сбү - де - ца.
 Рас - тва - ри - ла ква-щён - ку на до - ныш - ке,
 А - чу - ти - ла - ся ква-щён - ка по-л(ы) - ным пол - на
 и с кра - ям ров - на.

Пример № 2

$\text{♩} = 80$

И - ле - ю, И - ле - ю. Вы - пай - ся пе - сен - ка на счас - тли - во - ва,
 Ой, вы - пей - ся пе - сен - ка на за - вет - ли - во - ва,
 Че - во́ вы - па - и - ца, то и сбү - дет - ся
 Ид - ти ва ле - сок, ру - бить о - че - пок.

Пример № 3

$\text{♩} = 69$

И - ле - ю, И - ле - ю. А ка - му же э - та пе - сен - ка дас - та́ - нет - ся
 та - му сбү - дет - ся не ми - ну́ - ет - ся
 Се - ме - ры са - ни ета - ят у крыль - ца,
 ку - да а - ни́ гли - дят, так и у - ли - тят.

Пример № 4

$\text{♩} = 105$

У цер - квы де ли цер - квы да за - во - ро - че - ны ко - ни. И - ле - ю, И - ле - ю.

Ко - му жить - быть бо - га - то, хо - дить хо - ро - шо. И - ле - ю, И - ле - ю.

Пример № 5

$\text{♩} = 190$

Е - щё ны - не - че свет - лом ве - че - ре, ой, И - ле - ю.

Шго страш - ны - е ве - чер - ра, де Ва - сіль - ёв - ски, ой, И - ле - ю.

За - ве - ла я ква - ше - нач - ку на дне, на дне, на дне,

О - чу - ді - ла - ся ква - ше - нач - ка скра - я - ми на рав - не, ой, И - ле - ю.

Шго ко - му же э - та пе - сен - ка дос - та - не - ца, то и сбу - де - ца.

То - му жить бы бо - га - то, хо - дить хо - ро - шо, ра - бо - тать бы лег - ко.

Пример № 6

$\text{♩} = 98$

Крас - нень - ко я - и - чуш - ко,

Жёл - тинь - ко жел - ты - шуш - ко, Ска -

жи - ка же - ни - шка.

Ес - ли ты не ска - жешь - За - ка -

ча - ем мы те - бя За - ка -

ча - ю, за - лу - ча - ю, За си -

бя в за - муж возь - му.

Пример № 7

$\text{♩} = 170$

Ра - жес - т - во при - шло, на - ше иг - ры - ше, ди - во а - ле - лё, ла - да ле ма - ё.
 Как за реч - ка - ю, за Ду - най - ка - ю, ди - во а - ле - лё, ла - да ле ма - ё.

Пример № 8

$\text{♩} = 205$

Тю - ри, тю - ри во - ро - бей, тю - ри, тю - ри мо - ло - дой,
 Чтоб мне мо - лод - цу, не бы - вать во - са - ду,
 Не топ - тать тра - ву, тра - ву шел - ко - ву - ю,
 По - лу - шел - ко - ву - ю.

Комментарии к нотным примерам

Пример 1. Записано в с. Красногорское Красногорского района Удмуртской Республики Е. А. Скляровой 17.07.2004 от З. П. Захаровой 1927 г. р., Л. П. Омелюхиной 1930 г. р. Архив ФЭЦ 7033–31. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 2. Записано в д. Захватай Красногорского района Удмуртской Республики Е. А. Скляровой, И. А. Кирилук, А. П. Кирилук 17.07.2003 от Ф. Е. Гырдымовой 1936 г. р., Е. А. Гагариной 1928 г. р. Архив ФЭЦ 7024–21. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 3. Записано в д. Смольники Дебёсского района Удмуртской Республики А. Н. Поздеевым летом 1995 г. (исполнители не указаны). Архив ФЭЦ 7027–01. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 4. Записано в с. Карсовой Балезинского района Удмуртской Республики Е. А. Скляровой, А. П. Кирилук 13.08.2006 от Н. Е. Власовой 1933 г. р. Архив ФЭЦ 7335–04. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 5. Записано в д. Тараны Куединского района Пермской области С. И. Пушкиной и студентами III к. дире-

жёрско-хорового отделения (А. А. Фишер, В. М. Григоренко, Г. А. Светлов) 30/31.07.1961 от А. П. Бутылевой 1900 г. р., В. М. Суетиной 1915 г. р., А. А. Жижелевой 1912 г. р., К. П. Суетиной 1906 г. р. Архив ФЭЦ 623–01. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 6. Качельная припевка приводится из сборника С. В. Стародубцевой «Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья» (Ижевск, 2001, с. 379, № 163). Напев транспонирован на полтона вниз. Записано в д. Ожги Вавожского района Удмуртской Республики С. В. Стародубцевой, О. М. Гизатуллиной, Л. В. Кузнецовой 15.07.1998.

Пример 7. Записано в с. Гордино Афанасьевского района Кировской области Е. А. Скляровой 14.08.2006 от Н. Е. Некрасовой 1930 г. р. Архив ФЭЦ 7335–39. Расш. Е. А. Скляровой.

Пример 8. Записано в с. Красногорское Красногорского района Удмуртской Республики Е. А. Скляровой, А. П. Кирилук 19.07.2004 от З. П. Захаровой 1927 г. р., Л. П. Омелюхиной 1930 г. р. Архив ФЭЦ 7032–05. Расш. Е. А. Скляровой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2004–2007 годах в экспедициях принимали участие студенты отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории (О. В. Сюткина, М. С. Голубева).

² При цитировании фрагментов репортажных записей в скобках даётся отсылка на место записи и архивный номер

собрания материалов Фольклорно-этнографического центра, например: (Красн., Захватай 7029–12). Используются следующие сокращения: Балезинский район – Бал.; Красногорский район – Красн.; Дебёсский район – Деб.; ФЭЦ – Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова.

³ В коллекции Фольклорно-этнографического центра по русским старожилам Удмуртии только хороводных песен насчитывается более 250, более 60 – лирических песен, записано большое количество напевов и поэтических текстов свадебных песен (более 100 сюжетов).

⁴ Подобные припевы встречаем в Кировской области, Башкирии, Сибири, а также некоторых районах Вологодской области, тогда как в Смоленской, Новгородской областях и Белозерье бытуют другие варианты припевных слов.

⁵ Во время экспедиций удалось записать несколько репортажей, содержащих в себе толкование данного слова. Н. А. Князев 1933 г. р. из д. Курья рассказывает: «Па старинному языческому обычаю “Илею” – эта в виде чёрта, вот что-то такое. К нему паклоны бьют, значит скажит правду Илья. По какому-та стараму языческому поверью он в виде Василиса. [Кто такой Василис?] Ну, Василис эта, как гаварийца, у калдўна есть лицо, как дух такой, нечисть, который исполняет его желания. Вот он называется Василис. Например, есть такая байка. Было, другой раз, курочка сносит десяток яиц и такое маленькое голубиное. Его как-та на́да, чтоб оно у человека, эта яйцо, выпаривалась. И вот из этава ма́линькыва яйца выпарится этот самый Василис. Он будет тебе как слуга нечистой силы, все желания твои будет выполнять. Это такая присказка, канешно, неправда, ну такое есть поверье» (Красн., Курья 7023–16). В работе А. Афанасьева находим следующие определения таких мифических персонажей, как Василиск и Илья: «Василиск – по античным представлениям, чудовищный змей, наделявшийся способностью убивать не только ядом, но и своими взглядом и дыханием, от которого сохла трава и трескались скалы. На голове имел гребень в виде диадемы. Согласно средневековым западноевропейским воззрениям, В. выводился из яйца, снесённого петухом и высуженного жабой. Имел голову петуха и хвост змеи. Похожие мотивы имеются и в славянских поверьях. Илья-пророк – в ветхозаветных преданиях чудотворец и пророк, устами которого глаголет Бог, проповедник, пред-

сказатель будущего; в восточнославянском народном культе святых – повелитель грома и дождя, персонаж от которого зависит урожай и приплод скота» [1, с. 444]. Таким образом, можно предположить, что в поэтическом образе «Илею» соединяются языческие воззрения, восходящие к мифологическому сознанию человека, и их смешение в ходе эволюции с христианскими святыми образами.

⁶ Всего в местной традиции было записано 40 поэтических текстов.

⁷ Для удобства анализа используем следующие обозначения: Г – припевное слово «Илею»; Р – «припев-закрепка»; А, В... – песня-предсказание (информативный раздел).

⁸ В контексте настоящей статьи важными становятся наблюдения А. М. Мехнецова, сделанные на материале подблюдных песен Белозерья: «При определении истоков стиля подблюдных песен большое значение имеет принцип соотношения напева и поэтического текста, восходящий к изначальным законам синкретического искусства» [2, с. 102].

⁹ Песню исполняли на Троицу, когда спускались с угора, взявшись за руки («бегом вприпляску бежали с горы») (Красн., Красногорское. Архив ФЭЦ 7032–05).

¹⁰ В качестве самостоятельного следует выделить напев из д. Бараны, отличающийся от других равнозначной ролью линейного (мелодического) компонента и приёма сопоставления созвучий.

¹¹ В напевах подблюдных песен, тесно связанных со словом, проявляются те типовые формы интонирования, на которые обращал внимание Ф. А. Рубцов: «Речевые интонации можно разделить, конечно условно, на три основные типа. Это интонации возгласов, повествовательной речи, плача» [7, с. 20].

¹² Главной целью исполнения качельной припевки было произнесение девушками имени жениха.

¹³ Колядных песен во всех исследуемых районах не зафиксировано, имеются лишь несколько кратких фрагментов поэтических текстов колядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу (справочно-библиографические материалы). М.: Индрик, 2000. 576 с.
2. Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975. 224 с.
3. Королькова И. В. Подблюдные песни в Смоленских традициях // М. И. Глинка. К 200-летию со дня рождения: мат. междунар. науч. конф. Т. 2. М., 2006. С. 341–345.
4. Мехнецов А. М. Подблюдные песни Белозерья // Русская народная песня: Стиль. Жанр. Традиция: сб. науч. ст. / ред.-сост. А. М. Мехнецов. Л.: ЛОЛГК, 1985. С. 101–135.
5. Мехнецов А. М. Русские гусли: научно-методическое пособие с видеоприложением к альманаху «Русская традиционная культура». М.: Родник, 1998. 24 с.

6. Рубцов Ф. А. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов: опыт исследования. Л.: Сов. композитор, 1962. 115 с.
7. Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен. Л.: Музыка, 1964. 96 с.
8. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / отв. ред. О. А. Пашина. М.: Индрик, 2003. 760 с.
9. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozreniya slavyan na prirodu (spravochno-bibliograficheskie materialy)* [Poetic Outlooks of the Slavs on Nature (Reference and Bibliography Materials)]. Moscow: Indrik, 2000. 576 p.
2. Zemtsovskiy I. I. *Melodika kalendarnykh pesen* [Melodicism in Calendar Songs]. Leningrad: Muzyka Press, 1975. 224 p.
3. Korol'kova I. V. *Podblyudnye pesni v Smolenskikh traditsiyakh* [The Christmastide Fortunetelling Songs in Traditions of the Smolensk Region]. *M. I. Glinka. K 200-letiyu*

- so dnya rozhdeniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [M.I. Glinka. Towards his Bicentennial Anniversary: Materials from the International Musicological Conference]. Moscow, 2006, vol. 2, pp. 341–345.
4. Mekhnetsov A. M. *Podblyudnye pesni Belozer'ya* [The Christmastide Fortunetelling Songs of the Belozerye Region]. *Russkaya narodnaya pesnya: Stil'. Zhanr. Traditsiya: sb. nauch. st.* [Russian Popular Song: Style. Genre. Tradition: Compilation of Articles]. Leningrad: LOLGK, 1985, pp. 101–135.

5. Mekhnetsov A. M. *Russkie gusli. Nauchno-metodicheskoe posobie s videoprilozheniem k al'manakhu «Russkaya traditsionnaya kul'tura»* [The Russian Gusli. A Scholarly Methodological Manual with a Supplemental Video to the Almanac "Russian Traditional Culture"]. Moscow: Rodnik, 1998. 24 p.

6. Rubtsov F. A. *Intonatsionnye svyazi v pesennom tvorchestve slavyanskikh narodov: Opyt issledovaniya* [The Intonational Interconnections in the Slavic Peoples' Song Legacy: Experience of Research]. Leningrad: Sovetsky kompozitor, 1962. 115 p.

7. Rubtsov F.A. *Osnovy ladovogo stroeniya russkikh narodnykh pesen* [Fundamentals of Modal Construction of Russian Folk Songs]. Leningrad: Muzyka Press, 1964. 96 p.

8. *Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik* [the Smolensk Compilation of Articles on Music and Ethnography]. Vol. 1. *Kalendarnye obryady i pesni* [Calendar Rituals and Songs]. Executive editor: O. A. Pashina. Moscow: Indrik, 2003, 760 p.

9. Starodubtseva S. V. *Russkaya horovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [The Russian Khorovod Tradition on the Territory Between the Kama and Vyatka Rivers]. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 2001. 421 p.

Подблюдные песни в традиции русских старожилов северных районов Удмуртской Республики

В статье анализируются подблюдные песни «Илею», записанные в северных районах Удмуртии под руководством автора в ходе комплексных экспедиций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории и Детской школы искусств пос. Новый Воткинского района Удмуртии. Представленные материалы ранее не публиковались и до настоящего времени не были предметом специального изучения. В традиции русских старожилов Удмуртии подблюдные песни являются единственным песенным жанром календарного фольклора святочного периода. Автор выявляет их жанровую специфику, а также музыкально-стилевое

своеобразие, которое раскрывается через различные компоненты музыкально-поэтического языка: поэтику, композицию, ритм, лад и интонацию. С одной стороны, данные компоненты выступают в качестве черт стиля подблюдных песен, с другой стороны, позволяют увидеть их языковое родство с песенно-хореографическими жанрами фольклора. Опознавательной чертой подблюдных песен местной традиции выступает припев «Илею». Типологические признаки подблюдных песен свидетельствуют об их принадлежности к раннему историко-стилевому пласту.

Ключевые слова: подблюдные песни, русские старожилы Удмуртской Республики, музыкальный фольклор

The Christmastide Fortunetelling Songs in the Traditions of the Russian Residents of the Northern Regions of the Udmurtian Republic

The article analyzes the "podblyudnye" (Christmastide fortunetelling) songs "Ileyu" written down in the northern regions of Udmurtia under the direction of the author of the article as part of a set of expeditions of the A.M. Mekhnetsov Center for Folklore and Ethnography at the St. Petersburg State Conservatory and the Children School for the Arts of the Novy village of the Votkinsk Region of Udmurtia. The presented materials have never been published before and until the present time had never been objects of specialized research. In the tradition of the Russian long-time residents of Udmurtia the "podblyudnye" songs present the only song-like genre of the calendar music folklore of the Christmastide period. The author demonstrates their specificity of genre, as well as the originality of musical style, which is disclosed by means of different

components of the musical and poetical language: the poetics, composition, rhythm, mode and intonation. On the one hand, the present components present themselves as the stylistic features of the "podblyudnye" songs, on the other hand, they make it possible to see their relatedness in terms of language with the folk genres of song and choreography. The distinguishing feature of the "podblyudnye" songs of the local tradition is marked out by the refrain "Ileyu." The typological features of the "podblyudnye" songs bear witness of their belonging to the early historical-stylistic strata.

Keywords: "podblyudnye" (Christmastide fortunetelling) songs, the Russian residents of the Udmurtian Republic, folk music

СклярOVA Евгения Анатольевна

научный сотрудник
Фольклорно-этнографического центра
им. А. М. Мехнецова,
преподаватель кафедры этномузыкологии
E-mail: evgenia.sklyar@gmail.com
Санкт-Петербургская государственная консерватория
(академия) им. Н.А. Римского-Корсакова
Российская Федерация, 190000 Санкт-Петербург

Evgenia A. Sklyarova

Research Assistant at the A.M. Mekhnetsov Center
for Folklore and Ethnography
Faculty Member at the Ethnomusicology Department
E-mail: evgenia.sklyar@gmail.com
The St. Petersburg State
N.A. Rimsky-Korsakov Conservatory (Academy)
Russian Federation, 190000 St. Petersburg

